

Image Out of Place

Valery V. Savchuk

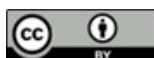
St. Petersburg State University. Saint Petersburg, Russia. Email: [savcuk.valeri\[at\]gmail.com](mailto:savcuk.valeri[at]gmail.com)

Abstract

The article deals with the search for the sources of visual pollution. While the information environment, alongside with pollution of air, water and food, has been already recognized as the new area of contamination, the pollution of visual environment has not yet been listed among the spheres monitored by the ecologists. The symptoms of visual contamination are not identified, and the sources – apart from advertising – are unknown not only to environmental activists, but also to the specialists. The main thesis of the article is as follows: the pollution of visual environment affects the health of people no less negatively than traditional sources of environmental threats. However, visual pollution is *not visible*; it has not yet been the subject of close study, so we do not yet have any record of its species, or the criteria for the dangerous level of pollution exceedance, nor recommendations for prevention and ways and techniques of getting rid of it. The uncertainty of the sources of visual pollution leads in the long term to disastrous health consequences, because the moral, spiritual and physical well-being of a person living in it depends on how healthy and favourable the visual environment is. Huge fields of plastic packaging and disposable dishes floating in the ocean are not only visual pollution, but also pollution of water, marine inhabitants, and soil; while in the urban environment it is difficult to separate visual dirt from pollution of air, water, land. It is concluded that the source of the pollution is a substance both *out of place*, *without a place* or *outside the place*. The source of pollution can be the reverse side of purity of the visual environment brought to the limit, to sterility, to geometric rigidity, which accompanies the “pathos of colonization of nature by geometry”.

Keywords

Visual Environment; Visual Ecology; Visual Pollution; Purity; Geometry of Space; Place; Visual Art

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Образ не на своем месте

Савчук Валерий Владимирович

Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург, Россия.
Email: [savcuk.valeri\[at\]gmail.com](mailto:savcuk.valeri[at]gmail.com)

Аннотация

В статье речь идет о поиске источников загрязнения визуальной среды. Если новой сферой загрязнения, наряду с загрязнением воздуха, воды, земли, продуктов питания уже признано информационное пространство, то загрязнение визуального пространства еще не вошло в разряд сред, за которыми наблюдают экологи. Симптомы визуального загрязнения не опознаны, а о его источниках — кроме рекламы — не только у экологических активистов, но и у специалистов представление смутное. Основной тезис статьи таков: загрязнение визуального пространства воздействует на здоровье людей не менее негативно, чем традиционные источники экологических угроз. Однако визуальное загрязнение *не видят*, оно еще не стало предметом пристального исследования, поэтому мы не имеем еще ни перечня его видов, ни критериев опасного уровня превышения загрязнения, ни рекомендаций о предупреждении и способов и техник избавления от него. Неопределенность источников визуального загрязнения в долгосрочной перспективе ведет к губительным для здоровья последствиям, ибо от того, насколько здорова и благоприятна визуальная среда, зависит нравственное, духовное и телесное благополучие живущего в ней человека. Огромные поля плавающей в океане пластиковой упаковки и одноразовой посуды есть не только визуальное загрязнение, но и загрязнение воды, морских обитателей, почвы; но в городской среде трудно отделить визуальный мусор от загрязнения воздуха, воды, земли. Делается вывод, что источником загрязнения является как вещество не на своем месте, так и вещество *места не имеющее* или *вне места*. Источником загрязнения может быть и обратная сторона чистоты визуальной среды, доведенной до предела, до стерильности, геометрической неукоснительности, которой сопутствует «пафос колонизации природы геометрией».

Ключевые слова

визуальная экология; визуальный мусор; грязь; чистота; геометричность пространства; место; изобразительное искусство

Это произведение доступно по лицензии [Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Введение

По данным Комиссии ООН по окружающей среде и развитию (ПРОН), в 2015 году от загрязнения погибли 9 миллионов человек в мире, а в 2017 году их было уже 12,6 млн., то есть «каждый четвертый житель Земли умирал от загрязнения окружающей среды» (Rueter, 2017). Умер ли кто-нибудь от визуального загрязнения? Если да, то какая часть из них умерла от визуальной грязи и визуального мусора, при том, что в окружающей среде невозможно выделить «визуальное», отделив его от одновременно присутствующих в окружении человека других сфер? Взятые все вместе, они входят в понятие «окружающая среда», с определенного исторического этапа получившая, следуя Вернадскому, имя «ноосфера» или расширительно понимаемая «биосфера», на формирование которой, по версии В.П. Казначеева, влияют возросшие энерговооруженность и технические возможности по изменению окружающей природы. Это в свою очередь «приводит к глобальной перестройке биосферы и вызывает далеко идущие экологические последствия» (Казначеев, 1998, с. 9).

В перспективе нашего исследования следует сделать следующий шаг, дать ответ на вопрос о связи визуального загрязнения с экологическими последствиями. Очевидно, что для получения ответа на него требуются специальные и кропотливые исследования, в том числе в области естественнонаучных дисциплин, которые еще не вошли в спектр интересов визуальных экологов: психофизиология визуального восприятия, гуманитарная офтальмология, социология города, биополитика, транспортная логистика, политика репрезентаций, медиафилософия и аналитика компьютерных игр. Безусловно, список не полон, и виной тому трудность вычленения визуального загрязнения из перечня традиционных экологических угроз.

Оттолкнемся от естественного и, пожалуй, неизбежного вопроса: что загрязняет окружающую среду человека в целом? Экологи привычно выделяют загрязнение почв, воздуха, подземных вод и Мирового океана, а в результате продуктов питания. Далее загрязнение делится на физическое — тепловое, шумовое, электромагнитное, световое, радиоактивное; химическое — загрязнение тяжелыми металлами, пестицидами, пластмассами и другими химическими веществами; биологическое — биогенное, микробиологическое, генетическое; информационное — заполнение информационных ресурсов фрагментарной, противоречивой, малоценной или ошибочной информацией (информационный шум), системой перекрестных ссылок, ошибок и непроверенных фактов, фейков, рекламой и пропагандой и т.д. Помимо прямого загрязнения информационной среды (информация, которую мы ищем, получаем, считываем) есть и косвенное — загрязнение среды от широкого внедрения новых каналов и носителей информации. И.А. Герасимова собрала и систематизировала их последствия: «Нагнетание электромагнитных излучений разного диапазона в пространстве нарушает естественный фон энергий

и привычные условия существования всего живого. Искусственные энергии буквально «высушивают» тело человека, отражаясь на состоянии его здоровья (химические и термические поражения мозга, нервной системы и легких, онкология, уничтожение живых клеток, синдром «сухих мышц», сгущение крови). ЭМИ в сочетании с социально-психологическими последствиями стратегий цифровой трансформации (безработица, неравенство, стрессы, суициды, утрата смыслов жизни) напрямую провоцируют психические, когнитивные и моральные поражения» (Герасимова, 2021, с. 74).

Если новой сферой загрязнения, наряду с загрязнением воздуха, воды, земли и продуктов питания, уже признано информационное пространство, более того, выявление связи информационного загрязнения со здоровьем людей стало предметом самостоятельного исследования (Дружилов, 2013), то загрязнение визуального пространства еще не вошло в разряд сред, за которыми наблюдают экологи. При этом сегодня симптомы визуального загрязнения столь же настойчиво заявляют о себе — это и смутное беспокойство, и ухудшение самочувствия, и нежелание быть в этом месте, улице, городе, — сколь и не концептуализированы. Трудность в том, что визуальное загрязнение не замечают, о его источниках — кроме рекламы — не только у экологических активистов, но и у специалистов представление смутное. Однако — и это основное допущение — загрязнение визуального пространства воздействует на здоровье людей не менее негативно, чем традиционные источники экологических угроз. Однако в силу неопознанности визуального мусора (сообщество его не замечает, не обращает внимания, а посему не сопротивляется, не предпринимает усилий по его устранению и не ищет возможности купирования превышения предельно допустимой меры концентрации загрязнения) он воздействует на человека постоянно и неустранимо. Иными словами, поскольку визуальное загрязнение не видят, постольку оно еще не стало предметом пристального исследования, поэтому мы не имеем еще ни перечня его видов, ни критериев опасного уровня превышения загрязнения, ни рекомендаций о предупреждении и способов и техник избавления от него. Невидимость, т.е. неопределенность источников визуального загрязнения в долгосрочной перспективе ведет к более губительным для здоровья последствиям, ибо от того, насколько здорова и благоприятна визуальная среда, зависит нравственное, духовное и телесное благополучие живущего в ней человека. Здесь следует сделать важную оговорку, визуальное загрязнение не существует обособленно от других видов загрязнения среды. Огромные поля плавающей в океане пластиковой упаковки и одноразовой посуды есть не только визуальное загрязнение, но и загрязнение воды, морских обитателей, почвы, а в городской среде трудно отделить визуальный мусор от загрязнения воздуха, воды, земли.

Иконический поворот

Обратим внимание на контекст, то есть тот сдвиг в социально-культурной ситуации, названной иконическим поворотом, при котором онтологическая проблематика переводится в план анализа визуальных образов. Следуя за онтологическим и лингвистическим поворотами, иконический поворот фиксирует отход в средствах коммуникации от вербального способа к визуальному в эпоху, названную «цивилизацией образа». Господство новых средств коммуникации изменяет существо восприятия, что в конечном итоге ведет к изменению представлений о реальности как таковой, иными словами, в этой цивилизации взгляд индустриализируется, а видимость представляет не только данное и наличное, но и не сокрытое. Иконический поворот констатирует то, что в истоке формирования реальности, представшей сегодня в качестве медиареальности, роль образа основополагающая. В этой перспективе, образ — начало и конец, итог анализа и его исходный пункт. Он приобретает онтологический статус. Новая же трактовка образа смещает фокус внимания с того, что он представляет помимо себя, или, если хотите, через себя, на то, что он представляет из себя. Реальность образа — форма представления реальности; она как вода, воздух, огонь, земля Древних греков; бытие — это не то, что мы мыслим, но то, чем мы мыслим тогда, когда всецело отдаемся делу мысли. Исходный тезис иконического поворота таков: «все есть образ» (Савчук, 2003, с. 127).

Источники визуального загрязнения

Приступая к исследованию источников визуального загрязнения в эпоху иконического поворота, спросим, что такое грязь как таковая? Если грязь, как афористично заметил французский химик Клод-Луи Бертолле (1748–1822), которого часто цитировал З. Фрейд, — это вещество не на своем месте, то, следуя логике Бертолле, можно сделать вывод, что противоположность ей — чистота, вещество на своем месте. Однако предел чистоты вещества — идеальное его состояние, что означает отсутствие других веществ, отсутствие примеси. Но, как метко сказал Л. Витгенштейн: «“Идеал” означает не что-то в высшей степени хорошее, но только что-то доведенное до крайности» (Wittgenstein, 1977, р. 21). Нам всем хорошо известны предельные формы чистоты: в медицине и высокотехнологичном производстве чистота предстает стерильностью, в теологии — раем, в философии — абсолютом, в геометрии — точкой и линией. Все они свидетельствуют о состоянии вещества, не имеющего своего естественного места. Уточним, в медицине, например, стерильность нужна для успешности хирургических операций и последующего лечения, но она же вредна в повседневной жизни: стерилизованную воду постоянно пить нельзя, как и нельзя жить в стерильном пространстве. В этом случае чистота переходит в свою противоположность, становясь источником

загрязнения. Следовательно, источником загрязнения является как вещество не на своем месте, так и вещество, места не имеющее, или вне места. Это верно в отношении традиционной экологии. Но уже в отношении информационной, акустической и визуальной опасности и критериев ее измерения возникает ряд вопросов, оговорок, уточнений (что есть «загрязнение», «изъян», «нечистота» и т.п.?).

Визуальное загрязнение проявляется тогда, когда мы обнаруживаем образ не на своем месте? Если это так, то чистота визуальной среды, доведенная до предела, до стерильности, геометрической неукоснительности, которой сопутствует «пафос колонизации природы геометрией» (Ревзин, 2017, с. 205), является важным источником визуального загрязнения. Определение визуального загрязнения как образа не на своем месте, или, иначе, образа вне места дополняет прежде уже зафиксированные критерии: 1) избыточная геометрия среды, проявляющаяся в прямоугольно расчерченных кварталах городов и однообразии домов, без иррациональной, с точки зрения современного градоустройства, планировки сбоев, ведущая к всеобщей регулярности, надзору и репрессии. О сбоях геометричности на примере Рима писал Ричард Сеннет: во времена Адриана (117 по 138 годы правления) «в Риме проживало около миллиона человек, большая часть которых проживала скученно в условиях, напоминающих бедные кварталы Бомбея. Могучий поток людей искажал городскую планировку, потому что новые постройки перегораживали улицы или даже заполняли их полностью. Перенаселенность ... загоняла людей в инсулы — первые в истории многоквартирные дома, которые беспорядочно росли этаж за этажом ... достигая 30 метров» (Сеннет, 2017, с. 112-113); 2) превышение возможности сопротивления человеческого тела, способного отреагировать, а значит, сохранить психическое здоровье человека. Избыток визуальной информации, равно как и его недостаток, может определяться количественно (число квадратных метров рекламы на сто квадратных метров городской площади) и качественно (сила интенсивности, яркости, частоты мигания рекламы); 3) отказ от со-масштабности человека. Несоразмерное человеческому телу угнетает, вредно для психики, ухудшает самочувствие; 4) нарушение физиологического порога восприятия, которое приводит к ожогу глаз, если смотреть на яркое солнце, на вспышки электросварочного аппарата, ультрафиолетовые лампы и блестящий на солнце снег в горах; 5) эргономический критерий, опирающийся на изучение производительности труда и самочувствие человека в зависимости от окраски помещений в тот или иной цвет, от интенсивности и качества искусственного освещения; 6) изменение антропогенной среды обитания, все более трансформирующейся в медиа- или цифровую среду, все решительнее подменяющей среду обитания современного человека. Это порождает новую отрасль визуальной экологии — медиаэкологии (Колесникова & Савчук, 2015).

Выводы

Итак, образ, возникший не на своем месте, в ускоряющемся темпе вторгается в пространство нашей жизни, в наше местопребывание: это и пресловутые образы рекламы, и бедная на информацию или избыточно перегруженная образами городская среда, и кино-образы триллеров и фэнтези, приходящие из кошмарных снов и делегированные вземным цивилизациям, миру фэнтези или компьютерным играм. Образы, места не имеющие, и соответственно, уместные везде, вторгаются в реальный мир подобно морализаторским картинам ада. Заметим, представления об аде, чудовищном и ужасном, историчны, они вписаны в контекст представлений времени, а суждения о них вписаны в господствующий дискурс. Вспомним милых и добрых животных в образе чудовищ из офорта Гойи «Сон разума рождает чудовищ», на котором, помимо спящего человека, изображены различные животные: рысь (возможно крупная кошка), совы, летучие мыши. Они пугают скорее количеством, чем крупными размерами, ибо они соразмерны человеку, но, всмотревшись внимательно, замечаешь, что выражение их антропоморфным морд никак не агрессивно и чудовищно, скорее участливо и заинтересовано. А в контексте многочисленных триллеров, фильмов-апокалипсисов и зомби-фильмов, эти «чудовища» предстают старыми и добрыми знакомыми, а местами просто детскими изображениями. Вот еще пример разночтения в исторической оценке чрезмерности. Пожалуй, первым, кто выступал против избыточного многообразия информации в обустройстве окружающей среды, был Ж.-Ж. Руссо (1712-1778), критиковавший парк Стоу за его «чрезмерное и противоестественное многообразие» (Руссо, 1968, с. 74). Следует заметить, что разбивка и обустройство парка принадлежит основоположнику современной садово-парковой архитектуры Уильяму Кенту, который при воссоздании облика естественной природы не использовал ни прямых линий, ни прямых же углов при прокладке дорожек и аллей, сохраняя образ естественного ландшафта и крайне аккуратно включая архитектурные декоративные элементы. Современники, а это был 1738 год, часто называли парк раем на земле. Идея власти над природой, пусть и в виде воссоздания «естественного» ландшафта, была чужда Руссо, приверженцу не «выровненной» природы, с позиций коей он негативно относился к любой выровненной природе. Великие философские системы всегда клеветают на повседневность, извращают ее, но тем же позволяют выйти из круга принудительных убеждений «здорового смысла» в понимании мира. Поскольку суждения человека о реальном мире, опирающиеся исключительно на теоретические абстракции, то есть абстрагированные от реального времени и места, не разумны, а, по Аристотелю, так просто «похоже на сумасшествие» (Аристотель, 1989, с. 280), постольку присутствие образов, не имеющих места в опыте человека, в сфере видимости, в подручном — несоразмерно, чудовищно, раздражающе. Такого рода образы учат нас, что понимание их природы требует перевода

эмоционального дискомфорта в разряд экологической проблемы загрязнения. Человеку, ошеломленному чужеродными образами, легко впасть в апатию, а в пределе — отчаяние, ибо мир, собранный из такого рода образов, убивает живое многообразие и естественность универсальной бескачественностью. Поэтому ущерб, причиняемый психике человека, оказывается столь же незаметным, сколь и болезненно-необратимым.

Масштаб образа — недооцененный источник визуального загрязнения. Неразрывно с неуместностью образа обнаруживает себя фактор нарушения со-масштабности образа человеку. Именно на них обратил внимание Кант, размышляя о возвышенном, ужасном, несоразмерном: «Дерзко нависшие, как бы грозящие скалы, громоздящиеся по небу тучи, надвигающиеся с громом и молнией, вулканы во всей их разрушительной силе, ураганы, оставляющие за собой опустошения, бескрайний, взбушевавшийся океан, огромный водопад многоводной реки, и т. п. — все они делают нашу способность к сопротивлению им ничтожно малой в сравнении с их силой. Но чем страшнее их вид, тем приятнее смотреть на них, если только мы сами находимся в безопасности; и эти предметы мы охотно называем возвышенными...» (Кант, 1966, с. 269).

Однако в личном опыте Канта были, пожалуй, лишь «тучи, надвигающиеся с громом и молнией», остальное же было явлено ему в плоском ландшафте Пруссии в виде гравюр, рисунков и рассказов очевидцев, когда Кант находился в безопасности в своем привычном Кёнигсберге. В.А. Подорога соотносит позиции И. Канта о возвышенном с пониманием Э. Берка и с его стороны. Важна в этой полемике мысль Берка о связи гигантских картин природы со страхом и болью: «Причиной возвышенного всегда является какая-то разновидность страха или боли» (Берк, 1979, с. 159). Излагая позицию Берка, Подорога акцентирует и развивает глубину этой связи: «Причина аффекта возвышенного есть избыточность, физиологическая перегрузка воспринимающего органа чувств, который не справляется с переработкой энергии, воздействующей на него. Так развивается чувство страха, оно нарастает, приводит к потере ориентации, напряжению, всякого рода телесному и душевному дискомфорту» (Подорога, 2020, с. 19).

В развитии сюжета несоразмерности продолжим вопрошать: не проявляются ли нависающие страшные лица из кошмарных снов, в рекламных билбордах? Их воздействие, несомненно, можно отнести к источникам визуального загрязнения. Фигуры из неизвестного мира: инопланетные или пробужденные вирусами чудовища (огромные черви, насекомые, крысы, волки и т.п.), зомби, к которым определено можно отнести угрожающе-выжидательные, бросающиеся в глаза суггестивные образы рекламы, заполняют пространство города, а следом проникают во внутренний мир, в сознание, мотивацию и покупательское поведение горожанина, в его мир грез. Они игнорируют, но чаще агрессивно вытесняют культурную самобытность с ее неизменной локальной спецификой и исторической памятью. И чем больше город,

тем острее процессы глобализации заявляют о себе. Не поэтому ли Витторио Хёсле полагает, что «Урбанистика — вот ключевая наука, способная спасти среду обитания» (Хёсле, 1993, с. 164)? В духе самосохранения самобытности ему же принадлежит мысль, не утратившая своей актуальности в наши дни: «Локальные и глобальные действия должны дополнять друг друга, причем первые — где только кажется возможно, а вторые — где это потребуется» (Хёсле, с. 165). Сила образов, возникших вне определенного места — в не-месте — и в иное время имеет свои пространственно-временные границы. Чудовищный образ ядерного гриба — продукта неразумия XX века, — сегодня поблек. Его вытесняют кинообразы вторжения инопланетян, постапокалиптические образы тотального разрушения, деградации нравов и мутации всего живого.

Это отчетливо отражается, например, в производстве хоррор-образов в западном кино, потребление которых имеет социальные последствия: чем больший уровень страха и ужаса получает зритель, «тем меньше социальной и индивидуальной активности генерирует человек и сообщество в целом и тем выше степень культивируемой фильмами ужасов социальной апатии, депрессии, агрессии и конформизма» (Хёсле, с. 165). Итог — ужасные чудовища могут ворваться в жизнь в любую секунду. На фоне этого экономические, социальные и политические проблемы не кажутся уже столь раздражающими. Это напряжение не проходит бесследно; усиливаются социально-экономические и экологические причины заболевания и смерти людей, о чем нам говорят данные, приведенные комиссией ООН по окружающей среде. «В конечном счете эстетическое переживание можно было бы определить как способность содрогаться от ужаса — так мурашки, бегущие по коже, можно считать первым эстетическим образом» (Adorno, 1997, р. 489), и неважно, прекрасного или безобразного свойства. Солидарна с Адорно специалистка в области когнитивной нейрофизиологии Национального центра научных исследований Франции Зои Капула: «Мы реагируем на искусство в первую очередь физиологически и только затем формируется эмоциональный отклик. Художественное произведение приводит к ряду сенсомоторных активаций в теле, мозгу, оно может способствовать лучшему ощущению себя, мира, то есть обладать лечебным действием» (Капула, 2022). Здесь можно вспомнить последствия переживания открывшегося Стендалю совершенства архитектуры и изобразительного искусства во Флоренции, названного «синдромом Стендаля», или же заключения историка искусства Даниэля Арасса: «В XV веке пейзаж воспринимают и трактуют как источник удовольствия и даже облегчения страданий больных: даже жар мог спадать у них при созерцании пейзажей с прозрачными речками, фонтанами и озерами» (Арасс, 2010, с. 238). Или, как свидетельствует современный режиссер и фотограф Андрей Троицкий, визуально гармоничная среда спасает автора от отчаяния и депрессии: «Отчаяние. Когда мне особенно плохо, и я не хочу больше жить, я приезжаю в это место. Мне стоит сделать круг по парку, как мое состояние

меняется, как будто место дает мне силы – я проверил это много раз» (Троицкий).

Им вторят медики, подметившие способность уменьшить страдания ожоговых больных при просмотре изображений айсбергов, ледяных полей и ледовитого океана. Помня принцип Фармакона, трудно не увидеть, что позитивное влияние образов на здоровье человека в других обстоятельствах (например, созерцания картин льдов и тундры замерзающим человеком) легко производит обратный эффект: ухудшения здоровья людей. Но негативное воздействие визуального загрязнения на психику и здоровье человека еще не изучено в полной мере, а указанное выше деструктивное для психики и здоровья в целом воздействие унылой однообразной архитектуры, бетонно-асфальтовой среды промышленных районов, хоррор-образов кино, фиксируемых писателями и публицистами, педагогами и отделами по делам несовершеннолетних – симптомы важности визуальной среды для включения ее в предмет изучения экологии.

Благодарности

This research was prepared with the financial support of the RSF grant Project 21-18-00046 “The Definition of Criteria for Visual Pollution of the Environment” in St Petersburg State University.

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ. Проект 21-18-00046 «Определение критериев визуального загрязнения окружающей среды» в Санкт-Петербургском государственном университете.

Список литературы

- Adorno, Th. W. (1997). *Ästhetische Theorie [Aesthetic Theory]*. In G. Adorno & R. Tiedemann (Eds.), *Gesammelte Schriften. Bd. 7 [Collected Writings. Vol. 7]*. Suhrkamp Verlag. (In German).
- Rueter, G. (2017). *Jeder vierte Mensch stirbt durch Umweltverschmutzung [One in four people die from environmental pollution]*. DW.COM. <https://www.dw.com/de/luftverschmutzung-t%C3%B6tet-diesel-plastik-meer-pestizid-glyphosat-wasserverschmutzung-kenia/a-41645743> (In German)
- Wittgenstein, L. (1977). *Bemerkungen über die Farben [Замечания о цветах]* (G. E. M. Anscombe, Ed.). University of California Press. (In German).
- Арасс, Д. (2010). *Деталь в живописи. Азбука-классика*.
- Аристотель. (1989). *Фрагменты ранних древнегреческих философов. Ч. I*. Наука.
- Берк, Э. (1979). *Философское исследование о происхождении наших идей возвышенного и прекрасного (Т. 237)*. Искусство.
- Герасимова, И. А. (2021). Цифровые технологии: Реалии и кентавры воображения. *Вопросы философии*, 10, 65–76. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2021-10-65-76>

- Дружилов, С. А. (2013). «Загрязненность» информационной среды и проблемы психологического здоровья личности. *Современные наукоемкие технологии*, 4, 89–92.
- Казначеев, В. П. (1988). Экология человека: Проблемы и перспективы. В В. П. Казначеев (Ред.), *Экология человека. Основные проблемы* (с. 9–32). Наука.
- Кант, И. (1966). *Критика способности суждения*. Сочинения в 6 томах (Т. 5). Мысль.
- Капула, З. (2022). *Art&Science: Как искусство изменяет наше тело, или почему эстетика зависит от физиологии*. Art&Science. <https://news.itmo.ru/ru/education/trend/news/6592/>
- Колесникова, Д. А., & Савчук, В. В. (2015). Визуальная экология как дисциплина. *Вопросы философии*, 10, 41–50.
- Подорога, В. А. (2020). Великий страх. Кант читает Берка (к деконструкции возвышенного). *Новое литературное обозрение*, 2, 11–28.
- Ревзин, Г. (2017). 12 москвичей, не мокнувших под дождем. Идеальный горожанин в XX веке. В И. Фурман (Ред.), *Горожанин: Что мы знаем о жителе большого города?* (с. 196–211). Strelka Press.
- Русо, Ж.-Ж. (1968). *Юлия, или Новая Элоиза*. Художественная литература.
- Савчук, В. В. (2003). Иконический поворот. В Г. Л. Тульчинский & М. Н. Эпштейн (Ред.), *Проективный философский словарь* (с. 127–130). Алетейя.
- Сеннет, Р. (2016). *Плоть и камень: Тело и город в западной цивилизации*. Strelka Press.
- Троицкий, А. (2022). *Пространство превращения. Мультимедийный проект*. https://drive.google.com/file/d/1VPCXYIHTtWxsOwKdrgrSQOgohv5wdO_9/view
- Хёсле, В. (1993). *Философия и экология*. Наука.

References

- Adorno, Th. W. (1997). *Ästhetische Theorie [Aesthetic Theory]*. In G. Adorno & R. Tiedemann (Eds.), *Gesammelte Schriften. Bd. 7 [Collected Writings. Vol. 7]*. Suhrkamp Verlag. (In German).
- Arass, D. (2010). *Detail in painting*. Azbuka-klassika. (In Russian).
- Aristotle. (1989). *Fragments of the Early Greek Philosophers. Part I*. Nauka. (In Russian).
- Burke, E. (1979). *A Philosophical Inquiry into the Origin of Our Ideas of the Sublime and the Beautiful* (Vol. 237). Iskusstvo. (In Russian).
- Capula, Z. (2022). *Art&Science: How Art Changes Our Body, or Why Aesthetics Depend on Physiology*. Art&Science. <https://news.itmo.ru/ru/education/trend/news/6592/> (In Russian).
- Druzhilov, S. A. (2013). “Pollution” of the information environment and the problems of psychological health of the individual. *Contemporary knowledge-intensive technologies*, 4, 89–92. (In Russian).
- Gerasimova, I. A. (2021). Digital Technologies: Reality and Centaurs of Imagination. *Voprosy Filosofii*, 10, 65–76. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2021-10-65-76> (In Russian).
- Hoesle, W. (1993). *Philosophy and Ecology*. Nauka. (In Russian).
- Kant, E. (1966). *A Critique of the Power of Judgment. Essays in Six Volumes* (Vol. 5). Mysl. (In Russian).

- Kaznacheev, V. P. (1988). Human Ecology: Problems and Prospects. In V. P. Kaznacheev (Ed.), *Human ecology. The main problems* (pp. 9–32). Nauka. (In Russian).
- Kolesnikova, D. A., & Savchuk, V. V. (2015). Visual Ecology As a Discipline. *Voprosy Filosofii*, 10, 41–50. (In Russian).
- Podoroga, V. A. (2020). The Great Fear. Kant reads Burke (to the deconstruction of the sublime). *New Literary Review*, 2, 11–28. (In Russian).
- Revzin, G. (2017). 12 Muscovites who didn't get wet in the rain. The Ideal Citizen in the Twentieth Century. In I. Furman (Ed.), *Citizen: What do we know about the big city dweller?* (pp. 196–211). Strelka Press. (In Russian).
- Rousseau, J.-J. (1968). *Julia, or the New Eloise*. Hudozhestvennaja literatura. (In Russian).
- Rueter, G. (2017). *Jeder vierte Mensch stirbt durch Umweltverschmutzung* [One in four people die from environmental pollution]. DW.COM. <https://www.dw.com/de/luftverschmutzung-t%C3%B6tet-diesel-plastik-meer-pestizid-glyphosat-wasserverschmutzung-kenia/a-41645743> (In German)
- Savchuk, V. V. (2003). Iconic turn. In G. L. Tulchinsky & M. N. Epstein (Ed.), *Projective Dictionary of Philosophy* (pp. 127–130). Aletheia. (In Russian).
- Sennett, R. (2016). *Flesh and Stone: The Body and the City in Western Civilization*. Strelka Press. (In Russian).
- Troitsky, A. (2022). *The Space of Transformation*. Multimedia project. https://drive.google.com/file/d/1VPCXYIHttWxsOwKdrgrSQOgohv5wdO_9/view (In Russian).
- Wittgenstein, L. (1977). *Bemerkungen über die Farben* [Comments on the colors] (G. E. M. Anscombe, Ed.). University of California Press. (In German).